

ТРИУМФ «ГРОЗДЬЕВ ГНЕВА» И СКЛАДЫВАНИЕ ЛИТЕРАТУРНОЙ РЕПУТАЦИИ ДЖ. СТЕЙНБЕКА В СССР (1939–1945)

© 2023 Л. И. Казакова (Жданова)

THE TRIUMPH OF THE *GRAPES OF WRATH* AND THE FORMATION OF JOHN STEINBECK'S LITERARY REPUTATION IN THE USSR, 1939–1945

© 2023 Leah I. Kazakova (Zhdanova)

УДК 82.01

https://doi.org/10.54791/27823792_2023_5_7_76

Информация об авторе:

Лия Искандеровна Казакова, канд. филологических наук, независимый исследователь, Новосибирск, Россия. E-mail: cammomilla@mail.ru.

Ключевые слова: советско-американские литературные связи, Джон Стейнбек, «Гроздь гнева», «Луна зашла», литературная критика, литературная репутация, рецепция.

Аннотация: В статье анализируется начальный период взаимоотношений американского писателя Джона Стейнбека с Советским Союзом: от первой помещенной в советской печати публикации о Стейнбеке, посвященной изданию в США его романа «Гроздь гнева» (1939) до «холодной войны», кардинально изменившей отношение советских властей к американской литературе в целом (1946). Внимание представителей советских институций и советской прессы Стейнбек привлек только на рубеже 1930–1940-х гг. – в связи с участием в третьем съезде Лиги американских писателей – и окончательно закрепил свои по-

Information about the author:

Leah I. Kazakova, PhD in Philology, independent researcher, Novosibirsk, Russia. E-mail: cammomilla@mail.ru.

Keywords: Soviet-American literary connections, John Steinbeck, *Grapes of Wrath*, *The Moon is Down*, literary criticism, literary reputation, reception.

Abstract: The article analyzes the initial period of the relationship between John Steinbeck and the Soviet Union: from the first publication on Steinbeck in the Soviet press, dedicated to his novel *The Grapes of Wrath* (1939) up to the Cold War, which drastically changed the Soviet attitudes to American literature (1946). John Steinbeck attracted the attention of Soviet literary institutions and press at the turn of the 1930s–1940s, when he took part in the Third Congress of the American Writers' League. He became famous in the USSR thanks to his novel *The Grapes of Wrath* (Russian edition appeared in 1940). The novel was welcomed by the Soviet critics as a great work of proletarian literature. The *Grapes of Wrath* created Steinbeck's reputation as

зиции в советском пространстве после публикации в США романа «Гроздь гнева». В СССР этот роман (рус. пер. опубл. в 1940 году) был воспринят как вершинное произведение пролетарской литературы США. «Гроздь гнева» сыграли огромную роль в формировании образа его автора в СССР, открыв писателя Стейнбека советскому читателю и открыв дорогу Стейнбеку в Советский Союз. Заключительная часть статьи посвящена военному времени (1941–1945) и, в частности, рецепции антифашистской повести/пьесы Стейнбека «Луна зашла» (1942) на родине писателя и в СССР, а также судьбе ее советских инсценировок.

a “progressive”, revolutionary writer, and opened the way for Steinbeck to the Soviet reader. The final part of the paper is devoted to the wartime (1941–1945) and, in particular, to the reception of Steinbeck’s anti-fascist story/play *The Moon is Down* (1942) in the USA and in the USSR and its Soviet adaptations.

Начальный период взаимоотношений Джона Стейнбека с Советским Союзом можно датировать 1939–1945 гг.: от первой помещенной в советской печати публикации о нем, посвященной изданию в США его романа «Гроздь гнева» (1939), до начала «холодной войны», кардинально изменившей отношение советских властей к американской литературе в принципе (1946). Этот период характеризуется большим интересом и симпатией к молодому талантливому автору со стороны советской критики, а также стремлением увидеть в нем «друга СССР», писателя, говорящего о тяготах жизни простого трудового народа при капитализме и неизбежности революционного восстания в Америке. Основное внимание будет сфокусировано на двух важнейших событиях данного периода: публикация и критическая рецепция в СССР романа «Гроздь гнева», а также появление антифашистской повести Стейнбека «Луна зашла» и ее советских инсценировок.

До «Гроздьев гнева»

В США известность Стейнбеку принесла его четвертая книга «Квартал Тортилья-Флэт» (“*Tortilla Flat*”, 1935)¹. Его слава укрепилась благодаря выходу на свет книги «О мышках и людях» (“*Of Mice and Men*”, 1937), а также успеху одноименной пьесы на Бродвее и ее экра-

¹ *Steinbeck J. Tortilla Flat. New York: Covici-Friede, 1935.*

низации Льюисом Майлстоуном (1939). По мнению многих критиков¹, 1930-е – годы Великой депрессии, оказались, вместе с тем, временем наиболее плодотворного и успешного творческого поиска Стейнбека. Также это был период наибольшей близости писателя к левому движению, его идеологии и его представителям в рабочих и интеллектуальных кругах, которые в будущем станут прототипами его героев.

В биографической статье С.С. Иванько, предваряющей советское собрание сочинений Стейнбека, вышедшее в 1989 г., подробно сказано о его рассказе «Налет»², опубликованном в “North American Review: в 1934 г., «лежащем в русле пролетарской литературы Соединенных Штатов периода “красных тридцатых”»³, и о его романе 1936 года «В сомнительной схватке» (“In Dubious Battle”); другие варианты переводов названия: «Битва с неясным исходом», «И проиграли бой»), первоначально задуманном писателем как «автобиография коммуниста»⁴ – о стачке сезонных рабочих, сборщиков фруктов, подготовленной партийными организаторами⁵. Также советским литературоведом был

¹ Об этом, к примеру, пишет в своей рецензии, предваряющей выход одной из первых литературоведческих книг о Стейнбеке – «Широкий мир Джона Стейнбека» П. Лиски (1958), американский критик А. Кейзин: «Начиная с его первого удачного романа (Tortilla Flat) все его лучшие произведения увидели свет в тридцатых годах: “В сомнительной схватке”, “О мышах и людях”, “Большая долина”, “Гроздьев гнева”. По-видимому, между Стейнбеком и тридцатыми годами существует некая непосредственная и живая связь, ибо трудно найти лучшие произведения среди романов, созданных им после 1942 года...». Реферат и перевод этой статьи был выполнен писателем С.П. Злобиным для Иностранной комиссии Союза советских писателей (РГАЛИ. Ф. 2175. Оп. 5. Ед. хр. 88. Л. 10).

² Советский критик П. Балашов в рецензии, посвященной роману Стейнбека «Гроздьев гнева» (1940), также уделил этому рассказу особое внимание, считая, что уже в этом произведении видна та грань стейнбековского таланта, позволившая ему впоследствии написать свое самое известное эпическое полотно об оклахомских фермерах: «Его (рассказ «Налет» – Л.К.) и нужно рассматривать, как первый набросок, где художник только намечает контуры новых людей, поражающих писателя своей изумительной стойкостью, выдержкой и готовностью до конца постоять за великие революционные идеи». (Балашов П. Певец народного гнева // Новый мир. 1940. №10. С. 206).

³ Иванько С.С. Джон Стейнбек // Стейнбек Дж. Собр. соч.: В 6 Т. Т. 1. М.: Правда, 1989. С. 18. (Библиотека «Огонек»).

⁴ Steinbeck: A Life in Letters / ed. E. Steinbeck, R. Wallsten. New York: Viking, 1975. P. 98.

⁵ В «Интернациональной литературе» (№ 4 за 1937 г.) была помещена небольшая заметка, посвященная этой книге. В ней отмечается «сочувствие к бастующим, презрение к демагогии хозяев, стремление к романтизации незаметных, но подлинных

отдельно выделен этап жизни писателя (1932–1935), который в 1932 г. «ездит с Уайтекером¹ на собрания членов клуба Джона Рида, бывает среди поденщиков и всюду внимательно вслушивается в горячие споры, пытливым взглядом всматривается в окружающую его жизнь»², а в 1935 г. – «часто посещает дом известного радикального журналиста Линкольна Стеффенса³, у которого встречается с известными в то время представителями левого движения: Анной Луизой Стронг, Майклом Годдом, Эллой Уинтер. Здесь он знакомится с молодыми профсоюзными активистами, с журналистом Джорджем Уэстом из газеты “San Francisco News”, хорошо знающим положение дел в штате»⁴.

В 1937 году, после успеха на родине повести/пьесы «О мышах и людях», Стейнбек вместе с женой Кэрол осуществил свое первое путешествие в Европу, побывав в скандинавских странах – Дании, Швеции, Финляндии – и в СССР, где он провел два дня в Москве и Ленинграде. Несмотря на краткость поездки, писатель ощутил тяжелую атмосферу этого времени сталинских расправ, о чем он впоследствии будет упоминать во время последующих приездов в СССР в 1947 и 1963 гг.⁵ Однако кроме отдельных устных высказываний писателя, ни-

революционных героев, несомненно, вдохновляющие автора книги», но, тем не менее, признается неудавшейся попытка американского писателя «создать живые образы революционеров, коммунистических вождей забастовки» неудавшейся (*Н.М. Джон Стейнбек – «В сомнительной схватке» // Интернациональная литература. 1937. № 4. С. 222*).

¹ Фрэнсис Уайтекер (1906–1999) – кузнец, скульптор по металлу и политический радикал из Кармела, Калифорния, был членом клуба Джона Рида американской коммунистической партии. По словам Дж. Бенсона, «в первой половине 1930-х гг. он очень упорно трудился над тем, чтобы обратить Стейнбека в социализм» (*Benson J.J. The True Adventures of John Steinbeck, Writer: A Biography. New York: Viking, 1984. P. 225*). *Steinbeck J. Working Days: The Journals of “The Grapes of Wrath” / ed. R. DeMott. New York: Viking, 1989. P. 165*.

² *Иванько С.С.* Джон Стейнбек. С. 14.

³ См.: *Гиленсон Б.А.* Стеффенс Д.-Л. // Краткая литературная энциклопедия. Т.7. М.: Сов. энцикл., 1972. С. 175–176.

⁴ Там же. С. 19.

⁵ Например, в своем отчете о поездке принимавший писателя в Киеве в 1947 г. зам. председателя ВОКС А.И. Полторацкий приводит следующие слова писателя: «В 1936 году (здесь и дальше Стейнбек ошибочно упоминает 1936 год, хотя поездка состоялась в 1937 г. – Л.К.) я приехал в СССР. Я был обыскан до нитки, все мои чемоданы перевернуты вверх дном, отняты даже американские газеты. Это было время тухачевских. Но я отдавал себе ясный отчет в значении происходившего и никаких неправильных выводов не сделал» (ГА РФ. Ф. 5283с.2. Оп. 22с. Ед. хр. 26. Л. 179.).

Триумф «Гроздьев гнева» ... Дж. Стейнбека в СССР (1939–1945)

каких документальных сведений, материалах о посещении Стейнбеком СССР в 1937 г. не сохранилось.

Так или иначе, в СССР Стейнбек как писатель привлек к себе внимание только на рубеже 1930–1940-х гг. Одно из первых упоминаний имени американского автора в советской печати¹ появилось в 1939 г. и касалось не его художественного творчества, а участия в третьем съезде Лиги американских писателей². Это объединение антифашистски и леворадикально настроенных писателей, образованное в 1935 г. по инициативе группы литераторов, сложившейся вокруг прокоммунистического еженедельника “New Masses” при участии Коммунистической партии США, возникло накануне роспуска Международного объединения пролетарских писателей (МОРП), в ходе начавшейся кампании по созданию широкого международного антифашистского народного фронта в преддверии Второй мировой войны. Сообщения о деятельности Лиги американских писателей часто появлялись на страницах советской прессы. В упомянутой статье М. Гроу, вышедшей 5 июля 1939 г. в «Литературной газете», было сказано:

На заключительном заседании съезда 4 июня почетным председателем Лиги американских писателей был избран Томас Манн. Знаменитый писатель заявил, что он с гордостью принимает оказанную ему честь. Президентом Лиги переизбран Донэлд Огден Стюарт, вице-президентами избраны десять человек, среди них Малькольм Каули, Лэнгстон Хьюз, Эрнст Хемингуэй, Эптон Синклер, Джон Стейнбек³.

В интервью «Известиям» 1963 г. Стейнбек говорил: «Я здесь в третий раз. В 1936 году я приехал сюда как турист третьего класса и, конечно, не встречался ни с кем из ваших писателей. Я тогда не был известен» (*Вишневецкий К.* Разговаривая со Стейнбеком // *Известия*. 1963. 22 октября. С. 4). В последовавшем после поездки выступлении на радио «Голос Америки» Стейнбек также ответил: «Моя первая поездка в СССР совпала с тяжелым периодом расправы Сталина с военными руководителями – расстрел Тухачевского и др.» (РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 26. Ед. хр. 4191. Л. 21).

¹ Вероятно, в СССР первым кратким упоминанием о Стейнбеке в печати стала заметка, опубликованная в 1938 г. в «Литературной газете», которая сообщала о том, что Пулитцеровскую премию в этом году получила пьеса Т. Уайльдера (ошибочно названного Уайлдом) «Наш городок», в то время как «главным конкурентом Уайлда по конкурсу был Джон Стейнбек, инсценировавший свой нашумевший в США роман “О мышах и людях”». (Премия Пулитцера // *Литературная газета*. 15 сентября 1938. С. 2).

² См.: *Гиленсон Б.А.* Лига американских писателей // *Краткая литературная энциклопедия*. Т. 4. М.: Сов. энцикл. 1967. С. 188.

³ *Гроу М.* Съезд американских писателей // *Литературная газета*. 1939. 5 июля. С. 2.

Таким образом, Стейнбек, еще абсолютно незнакомый советской аудитории писатель, оказался поставлен в один ряд с такими хорошо известными в СССР маститыми американскими авторами, как Эрнест Хемингуэй (активно переводившийся и печатавшийся в 1930-е гг.), Эптон Синклер (известнейший в 1920–1930-е гг. в СССР писатель-социалист), Малькольм Каули (критик, журналист, близкий в те годы коммунистическому движению), Лэнгстон Хьюз (негритянский поэт, прозаик, участник «клуба Джона Рида», побывавший в 1932–1933 гг. в составе американской делегации в СССР), и членом компартии США писателем, сценаристом Дональдом Огденом Стюартом.

Параллельно с выходом в США романа «Гроздь гнева» (14 февраля 1939 г.) и его ошеломляющим успехом на родине писателя завязывается переписка между Стейнбеком и редактором журнала «Интернациональная литература» Т.А. Рокотовым. 4 февраля 1939 г. Рокотов направляет Стейнбеку, как и другим знаменитым американским писателям (Шервуду Андерсону, Теодору Драйзеру, Эрскину Колдуэллу и др.), письмо с вопросами анкеты о развитии культурных связей между СССР и США. 22 февраля Стейнбек шлет ему ответ, в котором говорит о своем глубоком интересе к России и сетует на отсутствие в США объективных источников информации о жизни советского народа и переводов книг выдающихся советских писателей⁴.

Логичным продолжением этой советской пропагандистской линии становится письмо Рокотова от 7 июня 1939 г.⁵, свидетельствующее о том, что Стейнбек оказался включен в список информационных рассылок «Интернациональной литературы» и Иностранной комиссии Союза советских писателей.

Однако по мере того, как роман «Гроздь гнева» приобретал всю большую популярность в США, вызвал яростные споры по острым политическим, социальным и экономическим вопросам в американском обществе, значительная часть которого все еще чувствовала воздействие Великой депрессии, – эта книга и имя ее создателя начинают свою жизнь далеко за пределами «благословенной Калифорнии» – в коммунистическом СССР.

⁴ РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 14. Ед. хр. 1058. Л. 1–4.

⁵ РГАЛИ. Ф. 1397. Оп. 1. Ед. хр. 922. Л. 3.

«Гроздьев гнева»: яркий дебют Стейнбека в СССР

Препринты в советской прессе. Первая заметка о книге «Гроздьев гнева» появляется в «Правде» 15 августа 1939 г. Автор статьи, корреспондент газеты в Америке М. Ольгин, после перечисления бедствий, которым подверглись герои романа Джоуды (и их реальные прототипы, фермеры-издольщики из юго-восточных штатов Америки), заключает:

Роман Стейнбека – зрелый плод пролетарской литературы США. Успех этого романа, в короткое время разошедшегося в сотнях тысяч экземпляров, свидетельствует о том, как выросла за последние годы широкая читательская масса¹.

В последовавшей за ней статье «Литературной газеты» не только говорится о событиях романа, но также упоминается об избрании Стейнбека вице-президентом Лиги американских писателей и о влиянии книги на общественность, выражающейся в работе так называемого Комитета Стейнбека для помощи фермерам из Оклахомы². Спустя три дня в «Правде» появляется перевод одной из глав романа, описывающей возмутительную жестокость по отношению к голодающим фермерам на фоне цветущей природы в Калифорнии:

Люди приходят с сетями вылавливать картофель из реки, но охрана гонит их прочь; они приезжают в дребезжащих автомобилях за выброшенными апельсинами, но керосин уже сделал свое дело. И они стоят в оцепенении и смотрят на проплывающий мимо картофель, слышат визг свиней, которых режут и засыпают известью в канавах, смотрят на апельсиновые горы, по которым съезжают вниз оползни зловонной жижи; и в глазах людей поражение; в глазах голодных зреет гнев. В душах людей наливаются и зреют гроздьев гнева – тяжелые гроздьев, и дозреть им теперь уже недолго³.

В это же время идет интенсивная работа по переводу книги на русский язык. Сотрудник редакции журнала «Интернациональная литература» А.И. Абрамов в своей внутренней рецензии на роман Стейнбека отмечает:

¹ *Ольгин М.* Гроздьев гнева // Правда. 1939. 15 августа. С. 5.

² «Гроздьев гнева» // Литературная газета. 1939. 20 августа. С. 2.

³ Весна в Калифорнии // Правда. 1939. 23 августа. С. 5.

Джоуды разбиты, рассеяны, но не подавлены. Они готовы продолжать упорную страшную борьбу за жизнь, становясь как бы символом многомиллионных народных масс сегодняшней капиталистической Америки¹ –

и в заключении подчеркивает:

Роман следует печатать как можно скорее². В нем все замечательно: и язык, и мастерские описания жизни и быта фермеров, и полнокровные художественные образы его героев³.

Интерес к готовившейся публикации романа Стейнбека подогревала развернутая в прессе рекламная кампания. В осенних номерах «Правды», «Известий» и «Литературной газеты» были помещены статьи, знакомявшие советского читателя с тем ажиотажем, которым была встречена эта книга в США. Основное внимание в этих заметках акцентировалось на незаслуженных гонениях, которым подвергла роман Стейнбека реакционная публика. Так, например, в вышедшей в «Известиях» статье под названием «“Гроздь гнева” – запрещенная книга в США»⁴ и заметке «Правды» «Суд Линча над романом Стейнбека»⁵ сообщалось о попытках в некоторых штатах запретить, сжечь книгу, оклеветать ее автора, представляя информацию, описанную им в «Гроздях гнева» недостоверной, и даже препятствовать съемкам фильма по этому произведению.

¹ РГАЛИ. Ф. 1397. Оп. 1. Ед. хр. 495. Л. 68.

² По всей видимости, еще до публикации в журнале «Гроздь гнева» в «Интернациональной литературе» А.И. Абрамовым были выполнены внутренние рецензии на более ранние произведения Стейнбека – сборник новелл «Райские пастбища» (в его работе названные «Небесными лугами») и романе «О мышах и людях». Оба произведения рецензент оценивает очень высоко, отмечая, что первая книга – новеллы «написаны отлично – сочным, выразительным, богатым языком. На книге – бесспорная печать большого литературного мастерства» (РГАЛИ. Ф. 1397. Оп. 1. Ед. хр. 495. Л. 73.), а в случае с романом «О мышах и людях» «можно говорить о манере Стейнбека создавать трагический гротеск в самых обыденных житейских условиях, о колоритности и обаятельности его персонажей, о своеобразной яркости его описаний и образов» (Там же. Л. 75.). При этом ни одну из книг Абрамов не рекомендует к переводу и публикации в СССР, поскольку «при всей талантливости своей», обе книги не имеют «ни познавательной, ни общественной ценности» (Там же).

³ РГАЛИ. Ф. 1397. Оп. 1. Ед. хр. 495. Л. 68.

⁴ «“Гроздь гнева” – запрещенная книга в США // Известия. 1939. 17 ноября. С. 2.

⁵ Суд Линча над романом Стейнбека // Правда. 1939. 19 ноября. С. 6.

Публикация романа в СССР. Впервые в СССР «Гроздья гнева» были опубликованы в первых четырех номерах «Интернациональной литературы» за 1940 г.¹ В письме Стейнбеку 7 мая 1941 г. Рокотов сообщил:

У нас уже вышло несколько изданий этого романа. Кроме журнала «ИЛ» он вышел дорогими изданиями в Москве тиражом 25 тыс. экз. и в Ленинграде тиражом в 25 тыс. экз., а также дешевым изданием серии «Роман-газета» тиражом 300 тыс. экз.²

По меркам того времени для книги иностранного автора это был небывалый тираж.

17 декабря 1940 г. заместитель председателя Иностранной комиссии Союза советских писателей СССР М.Я. Аплетин также поздравил Стейнбека с успехом его романа: «Благодарю вас за книгу, теперь в СССР у вас появилось тысячи преданных друзей и почитателей»³. В марте 1941 г. он сообщил Стейнбеку:

миллионы читателей по всему миру благодарны Вам за Вашу книгу, написанную в защиту людей, и в особенности за созданный Вами образ матери, великий в своей простоте, очень трогательный, проникнутый человеколюбием и глубокой верой в возможности человечества. В эти трагические дни истории человечества имела огромная потребность в такой книге⁴.

Критические отзывы о романе. За выходом романа в свет последовала серия рецензий на роман Стейнбека, среди которых можно выделить работы А. Абрамова «Джон Стейнбек» («Интернациональная литература»), О. Немеровской «Книга о любви и ненависти» («Звезда»), Ф. Человекова [= А.П. Платонова] «Гроздья гнева» («Литературное обозрение»), Т. Хмельницкой «Гроздья гнева» Стейнбека («Литературный современник») и послесловие к вышедшему в отдельном издании роману И. Анисимова.

Одной из характерных особенностей восприятия «Гроздьев гнева» советскими критиками и читателями можно считать то, что это произве-

¹ Стейнбек Дж. Гроздья гнева // Интернациональная литература. 1940. № 1–4.

² РГАЛИ. Ф. 1397. Оп. 1. Ед. хр. 922. Л. 17.

³ РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 11. Ед. хр. 85. Л. 1.

⁴ Там же. Л. 2.

дение вызывало в памяти и соответственно ставилось рядом с образцом соцреалистического романа – «Матерью» М. Горького благодаря типологическому сближению персонажей – Ма Джоуд и Ниловны, а также Тома и Павла. Возможно, во многом благодаря этой аналогии «Гроздь гнева» воспринимались советскими читателями как нечто близкое по духу, родное – с одной стороны. С другой – в ходе сравнительного анализа этих персонажей критиками подчеркивалось ведущее, прогрессивное значение советской литературы. Например, в статье Ф. Человекова (псевдоним писателя А. Платонова) отмечается:

Том Джоуд – начинающий революционер; сначала у него есть только темперамент борца, но потом появляется и революционное сознание, под влиянием фактов действительности, под влиянием тюрьмы и товарищей. Опять-таки Тому еще далеко до Павла как революционеру, но он вышел на тот же путь, и судьба Тома в романе не кончается... Спасаясь от преследования, Том вынужден был покинуть семью своего отца и матери, и он уходит в неизвестность, но судьба его предreshена: он будет большим борцом за жизнь и благоденствие фермеров-землевладельцев и рабочих¹.

Точно также советская литературная критика рассматривала поступательное движение сюжета «Гроздь гнева» и финал романа как логично, неоспоримо вытекающий из этой истории призыв к мировой пролетарской революции. На родине писателя роман вызвал жаркие споры и столкновения между немногочисленными, но могущественными монополистами из Ассоциации фермеров, охарактеризовавшей роман как «разрушительную, бесполезную книгу, пропитанную от начала до конца духом ненависти»², и сторонников Администрации по защите фермеров, отстаивавших правдивость изображенной в «Гроздях гнева» картины. В СССР содержание романа воспринималось как однозначное подтверждение превосходства коммунистического устройства общества.

В доказательство близости «Гроздь гнева» к соцреализму рецензенты ссылались на ряд мест из текста Стейнбека, ставших затем хрестоматийными – лирические отступления автора, повествующие о бедственном положении фермеров в Америке, на прощальный диа-

¹ *Человеков Ф.* [=А.П. Платонов]. Гроздь гнева // Литературное обозрение. 1940. № 12. С. 38.

² *Иванько С.С.* Джон Стейнбек. С. 26.

лог Тома Джоуда с матерью и в особенности на известные слова о том, что «в душах людей наливаются и зреют гроздьи гнева – тяжелые гроздьи, и дозреть им осталось недолго»¹. Например, автор комментария к первому изданию «Гроздьев гнева» И.И. Анисимов отмечал:

Книга Джона Стейнбека написана в защиту человека, тысячелетиями трудившегося на земле и преобразившего ее, человека, создавшего великие произведения науки, техники и искусства, человека – творца и строителя. Поэтому она исполнена гнева против тех, кто низвел человека до уровня голодного и затравленного животного, против капиталистического строя, обречшего народ Америки на вырождение и голод... И роман подводит читателя к мысли, что только революция, зреющая в сознании миллионов обездоленных в современной Америке, устранив это издевательство над человеком, это хладнокровное и организованное, медленное уничтожение людей².

Сходное мнение выражала рецензент «Звезды» О. Немеровская:

В лице Тома показаны те новые, пробуждающиеся свойства американского народа, которые заставят потомков отважных пионеров с таким же мужеством бороться за освобождение американских угнетенных классов от эксплуататоров, с каким их предки почти два столетия назад боролись за освобождение американских колоний от гнета английской метрополии³.

Наконец, Ф. Человеков (А. Платонов) трактовал финал «Гроздьев гнева» следующим образом:

Но наступит очередь народа применить свою силу; правда, гонять своих врагов народ не будет – он их уничтожит. Стейнбек этого вывода из своего романа особо не подчеркивает, но читатель сам легко находит смысл произведения: необходимость революции во что бы то ни стало и возможно скорее, иначе – гибель. Идея революции справедлива и прекрасна и без романа Стейнбека, но в романе Стейнбека эта идея изложена пером превосходного художника, за что ему будут благодарны все читатели, которые живут уча-

¹ *Стейнбек Дж.* Гроздьи гнева // Стейнбек Дж. Собр. соч.: В 6 т. Т. 3. М.: Правда. 1989. С. 369.

² *Анисимов И.* Послесловие к роману «Гроздьи гнева» // Стейнбек Дж. Гроздьи гнева. М.: Гослитиздат. 1940. С. 498.

³ *Немеровская О.* Книга о любви и ненависти // Звезда. 1940. №8–9. С. 276.

стью своего народа. И даже те читатели, которые давно вышли из участи отчаяния, – советские читатели¹.

В представленных фрагментах четко просматривается единая линия советской интерпретации «Гроздьев гнева» как произведения антикапиталистического, революционного, близкого к методу соцреализма. Важно отметить, что в случае этого произведения однозначность его трактовки – даже если не брать в расчет ее навязанность извне – происходила из прочтения романа естественно и органично. В этом же кроется основная причина успеха «Гроздьев гнева» в СССР: читая этот роман, советские люди на примере своей собственной истории могли без труда достроить открытый финал произведения и, во-первых, оценить правильность и успешность своего выбора, а во-вторых, в лице семейства Джоудов посочувствовать всем простым американским труженикам – но и ощутить свое превосходство над ними, поскольку они только начинают двигаться по тому пути, которым советский народ уже давно идет, прокладывая дорогу остальным.

В то же время этот роман был близок и понятен и другой категории его советских читателей, таких как Андрей Платонов, на собственном опыте во время репрессий 1930-х гг. ощутивших себя в роли Джоудов, лишенных возможности зарабатывать на хлеб и свободно жить в своем государстве не американскими банками-монополистами, но родным советским строем. Об этой составляющей успеха романа в Советском Союзе пишет в статье «Выдержанное вино из “Гроздьев гнева”» Е.А. Евтушенко².

¹ *Человеков Ф.* Гроздьев гнева. С. 40. Высказывание А. Платонова о том, что «гонять своих врагов народ не будет – он их уничтожит», а также о советских читателях романа, «которые давно вышли из участи отчаяния», и проч. имеют и другую интерпретацию, связанную с личной драмой писателя и репрессиями против его семьи. Так, в пору написания статьи о «Гроздьях гнева» осенью 1940 г. усилиями друзей писателя из тюремного заключения был возвращен его сын, неизлечимо больной туберкулезом. Сын Платонова Платон Андреевич умер через два года – в январе 1943-го. Сам писатель в 1940-е гг. заразился от сына туберкулезом и скончался в 1951 г. в нищете и безвестности.

² «В этом непредуганном сталинскими идеологами подсознательном отождествлении кроется и секрет грандиозного успеха “Гроздьев гнева” в СССР. <...> Если Стейнбек видел собственными глазами, как в Калифорнии резали свиней и сбрасывали их в канавы, засыпая известью, то в лесах и на кладбищах России так же сбрасывали в ямы и засыпали известью расстрелянных без всякого суда людей. Чудом уцелевшая от подобных расправ сильно поредевшая советская интеллигенция

Рецепция раннего творчества Стейнбека в США и СССР

Весной 1940 г. сотрудниками редакции журнала «Интернациональная литература» был подготовлен реферативный перевод американской критической статьи, в которой рассматривалось все творчество Стейнбека от первого его опубликованного романа до «Гроздьев гнева». Статья Маргарет Маршалл¹ «Джон Стейнбек», опубликованная в журнале “Nation” 25 ноября 1939 г.², представляла собой достаточно жесткий анализ художественной манеры Стейнбека: Маршалл оценивала ее как незрелую, в особенности фокусируясь на ее недостатках, проявившихся в той или иной мере во всех его произведениях. Во внутренних материалах «Интернациональной литературы» перевод статьи Маршалл был дан в сокращенном виде, что, видимо, еще сильнее сгустило ее критическую направленность. Так, советские рецензенты выделили в своем реферате ряд важных для них моментов, например, скепсис автора статьи по отношению к высказываниям некоторых репортеров о содержащихся в «Гроздьях гнева» призывах к «марксистской революции»:

Хотя детали его описания оклахомцев и могли бы навести газетчика на мысль о возможности марксистского разрешения проблемы, особенно если он, следуя моде, стал классово-сознательным, но Стейнбек нигде даже не намекает на такое разрешение. <...> О чем мечтают «Оки» и есть основания подозревать, мечтает для них и сам Стейнбек? – о маленьком беленьком домике и клочке собственной земли; это гораздо больше напоминает старую формулу о сорока акрах и муле, чем «большевицкие» колхозы³.

Иного мнения придерживается советский критик А. Абрамов, чья статья с подробным анализом жизни и раннего творчества Стейнбека

читала “Гроздья гнева” по-особенному: не только разделяя боль стейнбековских Джоудов, но видя в Джоудах и самих себя – ненужных элементов, от которых хочет отделиться собственное государство». (*Евтушенко Е.А.* Выдержанное вино из «Гроздьев гнева» // *Огонек.* 2002. № 32. С. 51).

¹ Маргарет Элис Маршалл (1900–1974) – литературный критик, редактор. В 1927–1928 гг. – ассистент редактора в *New Masses*, с 1928 г. работала в “Nation”, с 1937 г. занимала в *Nation* должность литературного редактора. Была уволена в январе 1953 г. за антикоммунистические взгляды.

² РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 14. Ед. хр. 1062. Л. 126–132.

³ Там же. Л. 132.

была помещена в «Интернациональной литературе» сразу после публикации «Гроздьев гнева»¹.

В своей рецензии Абрамов дает оценку творческому пути Стейнбека – «искусного и взыскательного мастера», «художника больших чувств и больших идей», «одного из лучших мастеров американской прозы»². В отличие от Маршалл, отмечавшей незрелость творческого дара Стейнбека, Абрамов утверждает прямо противоположное – «зрелость мастера, продолжающего славные традиции американской реалистической прозы»³. Чтобы продемонстрировать непростой творческий путь писателя, эволюцию его художественного мастерства, Абрамов подробно останавливается на ранних произведениях Стейнбека – «Райских пастбищах», «О мышах и людях», «В сомнительной схватке», для того, чтобы перейти к самой вершине – «Гроздьям гнева» и заключить:

по существу, все, что было написано Стейнбеком до этой книги, – лишь эскизные наброски, этюды к большой картине, впитавшей весь творческий опыт, все неосуществленные возможности, все незавершенные донныне искания талантливого художника. В новом своем романе Стейнбек предстает перед нами как один из самых крупных писателей современной Америки, как один из ее подлинных первоклассных художников⁴.

Переписка с редакцией «Интернациональной литературы».

Столь же высокое мнение о романе Стейнбека разделяет и редактор «Интернациональной литературы» Т.А. Рокотов: 22 февраля 1940 г. он направляет Стейнбеку письмо, в котором уведомляет американского автора о проделанной в СССР работе над публикацией романа и о его феноменальном успехе в советской печати:

Рад сообщить вам, что ваш роман еще до появления его в русском переводе стал известен самому широкому кругу читателей: отрывки из романа печатались в «Правде» и ряде других газет. Весь Советский Союз знает теперь имя передового писателя США⁵.

¹ Абрамов А. Джон Стейнбек // Интернациональная литература. 1940. № 3–4. С. 222–232.

² Там же. С. 231–232.

³ Там же. С. 232.

⁴ Там же. С. 225.

⁵ РГАЛИ. Ф. 1397. Оп. 1. Ед. хр. 922. Л. 4.

Кроме того, в своем письме Рокотов просит Стейнбека сообщить адрес, по которому он мог бы перевести ему часть гонорара за публикацию этого романа в СССР. Он отмечает, что, хотя между СССР и США нет конвенции об авторских отчислениях, писателям,

с которыми мы находимся в постоянном контакте, мы часть денег все же имеем возможность пересылать, остальная часть гонорара вносится здесь на ваш текущий счет в советских рублях, и вы можете ими распорядиться в любой момент, как это не раз делал, например, Эптон Синклер¹.

Письмо Рокотова, написанное в крайне почтительном, уважительном тоне, весьма красноречиво свидетельствует о том, что дебют Стейнбека оказался столь важным событием для советской стороны, что Стейнбек, во-первых, практически в одночасье был поставлен в один ряд с таким маститым, давно известным в СССР автором, как Эптон Синклер, и более того, Стейнбеку была предоставлена возможность перевести часть его гонорара в американскую валюту, что делалось только для очень крупных и важных для СССР авторов.

Гонорары. Спустя месяц, 16 марта 1940 г., секретарь редакции «Интернациональной литературы» Е. Романова направила Стейнбеку извещение о том, что от журнала ему переведено 70,75 долларов, в качестве части гонорара за публикацию его романа на страницах журнала².

В ответном письме от 13 мая 1940 г. литературный секретарь Стейнбека Э. Отис подтвердила получение Стейнбеком 70,75 долларов и полюбопытствовала, какую сумму составляет общий гонорар писателя, зачисленный на его счете в СССР, уточнив, что «м-р Стейнбек не намерен, разумеется, в ближайшее время побывать в России, но мне хотелось бы располагать этими данными». Также она передала благодарность Стейнбека за «хороший прием “Гроздьев гнева” в России» и сообщила о то, что сейчас писатель находится по пути в Мексику для работы над фильмом³.

27 мая 1940 г. Е. Романова написала о переводе Стейнбеку дополнительных 56,60 долларов от числа продаж романа в текущем месяце⁴.

¹ Там же. Л. 4.

² Там же. Л. 6.

³ Там же. Л. 8.

⁴ Там же. Л. 9.

Спустя год редактором «Интернациональной литературы» было направлено последнее довоенное письмо Стейнбеку от 7 мая 1941 г., в котором тот сообщал о продолжении успешного шествия «Гроздьев гнева» по СССР и о посылке в Америку всех вышедших изданий на русском языке.

Переписка Стейнбека с Иностранной комиссией Союза советских писателей. Практически одновременно разворачивалась переписка американского писателя с Иностранной комиссией Союза советских писателей. 17 декабря 1940 г. вице-председатель Иностранной комиссии М.Я. Аплетин направил письмо, в котором благодарил Стейнбека за его «самую выдающуюся книгу», благодаря которой «в СССР у вас появилось тысячи преданных друзей и почитателей», а также в своем поздравлении на Новый год желал писателю «снискать такого же успеха в 1941 году, какого бы добились с вашей книгой “Гроздьев гнева”»¹.

Следующее письмо Аплетина было отправлено 12 марта 1941 г. и содержало в себе извещение о посылке Стейнбеку в трех бандеролях шести авторских изданий книги «Гроздьев гнева», опубликованных в Государственном литературном издательстве, и слова благодарности автору:

Разрешите мне также выразить свою глубокую признательность за то большое удовольствие и пользу, которую я получил от чтения вашей талантливой книги. Миллионы читателей по всему миру благодарны вам за вашу книгу в защиту человека и в особенности за ваше изображение матери, великой в своей простоте и столь трогательной, пропитанной человеколюбием и глубокой верой в будущее человечества. Существовала огромная необходимость в такой книге в эти трагические дни истории человечества².

Письмо от Стейнбека прибыло в СССР только 26 июня 1941 г. В своем послании Стейнбек извещал М.Я. Аплетина о получении им книг из Москвы, выражал свою благодарность за них и сообщал о новых событиях своей жизни – работе над дневником «праздного путешествия с целью научных исследований “More Кортеса”» (“Sea of Cortez: A Leisurely Journal of Travel and Research”); это исследование морской фауны тихоокеанского побережья Стейнбек вел совместно со своим другом, биологом Эдом Риккетсом.

¹ РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 11. Ед. хр. 85. Л. 1.

² Там же. Л. 2.

В связи с этим Стейнбек обратился к вице-председателю Иностранной комиссии с просьбой разыскать научные труды, напечатанные еще в царское время и сохранившиеся только в Москве, содержащие нужные им материалы, в частности монографию «Аннулата 1877 года Груббе», в которой «заключена вся существовавшая до выхода этой книги информация о морских червях annelid»¹.

Вероятно, в связи с внезапным началом Великой Отечественной войны ответа советской стороны на это письмо Стейнбека не последовало.

В целом, говоря о судьбе «Гроздьев гнева» в СССР, в первую очередь об истолковании этого произведения советской прессой как пролетарского романа, «буревестника грядущей американской революции»², важно отметить не только (или не сколько) идеологически оправданное и преднамеренное искажение заложенного в него американским автором смысла со стороны советских критиков, но и большую субъективность прочтения романа его рецензентами в СССР. Об этом, в частности, свидетельствует статья, выделявшаяся на фоне других отечественных работ своим критически сдержанным отзывом на книгу – «Роман Стейнбека и его критики» (опубликована в «Интернациональной литературе» в конце 1940 г.). Оставшийся неназванным автор этой статьи, представлявшей собой критику романа и двух отечественных рецензий на него (Ф. Человекова [= А.П. Платонова] и Р. Миллер-Будницкой), отмечает:

Стейнбек не революционер и далек от коммунистических идей. Однако такова сила социальной и художественной логики нарисованных им образов, что «Гроздьев гнева» подводят читателя вплотную к проблеме социалистической революции. Не как к проблеме экономической теории и поли-

¹ Там же. Л. 4.

² Таким образом обозначила этот роман один из рецензентов книги Р. Миллер-Будницкая: «Во все ступающемся над страной мраке реакции эта книга – буревестник грядущей американской революции – криком своим зовет надвигающуюся грозу великого народного гнева, взрыв революционной стихии, ее “девятый вал”» (*Миллер-Будницкая Р. Книга гнева // Знамя. 1940. № 8. С. 203*). Примечательно также, что эту статью советский автор открыл двумя эпитафиями: один из которых в измененном виде был взят непосредственно из романа Стейнбека: «И в душах человеческих гроздьев гнева наливаются и зреют, зреют для сбора», а второй – из знакового гимна русской революции “Песни о Буревестнике” М. Горького: “Буря! Скоро грянет буря!”» (Там же. С. 191).

тики, но как к насущно жизненной проблеме, стоящей перед американским народом, «вопросу вилки и ножа», как выражались в старое время чартистские агитаторы¹.

Советский рецензент также говорит о неправомерном уподоблении героев «Гроздьев гнева» Стейнбека и «Матери» Горького (в частности, убийцы Тома Джоуда и Павла Власова, которое использует в своей работе Ф. Человеков) и других «перегибах» советских критиков, указывая, тем самым, на скромное место романа Стейнбека рядом с прогрессивной советской литературой.

Так или иначе, роман «Гроздьев гнева» открыл писателя Стейнбека советскому читателю и открыл дорогу Стейнбеку в Советский Союз, став произведением, успех которого в СССР не смогла повторить ни одна другая книга писателя. Даже «Зима тревоги нашей» (появившаяся на страницах советской печати почти спустя 25 лет и способствовавшая получению писателем Нобелевской премии) – единственный роман Стейнбека, чья популярность могла бы быть сопоставима с «Гроздьями гнева», не смогла повторить феноменальный успех этого романа в СССР.

Успех «Гроздьев гнева» в СССР доказывают не только советские рецензии и литературно-критические статьи, которые единодушно называли этот роман лучшим творением Стейнбека (даже в некрологе, написанным Я.Н. Засурским, утверждалось, что «никогда больше после этого Стейнбек не достигал такой глубины и силы реалистического искусства»²), но и многочисленные письма читателей³, а также высказывания советских писателей, современников Стейнбека (И.Г. Эренбурга, Е.А. Евтушенко, И.Д. Хмарского), о том впечатлении, которое оказала на них эта книга.

Кроме того, триумфальный прием «Гроздьев гнева» в СССР не только во многом вытеснил в сознании советского читателя все другие произведения Стейнбека, поставив историю трудного пути Джоудов в высочайшее положение «вне конкуренции», но и в какой-то степе-

¹ Роман Стейнбека и его критики // Интернациональная литература. 1940. № 9–10. С. 220.

² Засурский Я. Умер Стейнбек // Литературная газета. 1968. 25 декабря. С. 9.

³ См. напр. подборку читательских писем в рубрике «Интернациональной литературы»

«Трибуна читателя»: Почему нам нравятся «Гроздьев гнева» // Интернациональная литература. 1941. № 5. С. 187–189.

ни крепко привязал к этой книге личность самого Стейнбека, человека и писателя, который отныне и до самой смерти стал восприниматься в первую очередь как «певец “Гроздьев гнева”», то колеблющийся, предающий истину, высказанную в своей самой знаменитой книге, то вновь, подобно блудному сыну, возвращающийся к ней.

Антивоенная повесть «Луна зашла» и ее инсценировки в СССР

«Гроздьям гнева», появившимся в СССР в самом начале 1940-х гг., удалось в течение одного года завоевать любовь советских читателей и поставить перед руководителями советских организаций задачу расположить и развернуть к себе американского прозаика: советские газеты рассыпались в похвалах молодому писателю, редакторы интересовались его новыми произведениями, подкрепляя свои дружелюбные намерения денежными выплатами.

Однако в условиях начала Великой Отечественной войны в Советском Союзе резко изменилась политика многих сфер общественной жизни, в том числе издательской и редакционной. В этой связи не только просьба американского писателя, связанная с его исследованиями морской фауны, но и его книга о жизненных трудностях оклахомских фермеров оказались затеряны среди сводок с советских фронтов, на которых шли ожесточенные бои с противником, каждый день уносившие тысячи жизней.

История создания повести. Жизнь американцев тем временем текла в привычном русле. В первые военные годы американцы не имели к войне прямого касательства, вследствие чего их интерес в основном исчерпывался обсуждением информационных сводок, шедших с театра военных действий из-за океана. Несмотря на это, военная тема не обошла стороной жизнь и творчество Стейнбека.

Весной 1940 г. писатель отправился в Мексику для работы над киносценарием «Забывтая деревня» (о чем редакции «Интернациональной литературы» в свое время сообщила Э. Отис), где неожиданно столкнулся с набиравшим обороты механизмом нацистской пропаганды: газеты печатали восторженные статьи об экономическом чуде, «новом порядке» Гитлера в завоеванных странах, на улицах встречалась свастика. Встревоженный таким положением дел Стейнбек в письме к своему родственнику Дж. Гамильтону сообщает: «Немцы абсолютно превзош-

ли союзников в плане пропаганды. Если это продолжится, они окончательно отобьют Центральную и Южную Америку у Соединенных Штатов»¹.

Увидев своими глазами и осознав, что угроза нацистского вторжения не просто реальна, но очень близка, находится буквально у границ Америки, писатель едет из Мексики в Вашингтон, где добивается аудиенции Ф. Рузвельта и говорит с президентом о своих опасениях; а в октябре 1941 г. после одного из заседаний Службы иностранной информации (агентства, входившего в государственное Управление стратегических служб, чьей задачей как раз была борьба с нацистской пропагандой в Америке и за рубежом) Стейнбек принимается за написание повести о вооруженном захвате небольшого североευропейского города – «Луна зашла» (“The Moon is Down”).

«Луна зашла», повествовавшая об «эпической борьбе народов девятнадцати оккупированных стран Европы»², стала первой книгой Стейнбека, посвященной теме войны с нацизмом; примечательно, что она показывала ситуацию «в двойном освещении»: с точки зрения как жертв, так и оккупантов. При этом согласно первоначальному замыслу, действие книги должно было разворачиваться в США: Стейнбек полагал, что таким образом он, во-первых, мог бы описать события с большей достоверностью, «как если бы они произошли здесь», и во-вторых, сильнее воздействовать на читателей: «пробудить ото сна Америку и внушить ей симпатию к людям, в это самое время переживающим оккупацию за рубежом»³. Однако Служба иностранной информации отвергла это авторское решение, посчитав, что оно может деморализовать население страны. В результате Стейнбек перенес место действия в Европу, не обозначив ни страну-агрессора, ни оккупированную страну и тем самым предельно обобщив повествование.

Окончательный вариант повести «Луна зашла»⁴ появился на книжных прилавках Америки в марте 1942 г. вскоре после нападения на Перл-Харбор и вызвал большой интерес у читающей публики. Однако, несмотря на ажиотаж вокруг книги, американскими критиками «Луна зашла» была принята весьма прохладно: автору ставили в вину и отход от реалистической манеры письма, и слишком мягкое, человеческое

¹ Steinbeck: A Life in Letters. P. 205.

² РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 14. Ед. хр. 1070. Л. 92.

³ Benson J.J. The True Adventures of John Steinbeck. P. 491.

⁴ Steinbeck J. The Moon Is Down. New York: Viking, 1942.

изображение захватчиков, что сильно нивелировало агитационный запал книги¹. Так, критик К. Фадиман в журнале “New Yorker” пишет, что задачи пропаганды в 1942 г. требуют изображать немцев «как людей, которые ничем не могут искупить свои грехи, иначе мы можем утратить волю бороться с ними»². Фадиману вторит Луис Буденц из “Sunday Worker” (5 апреля 1942 г.):

Изображать немецкого офицера, как погруженное в самосозерцание расслабленное существо, а именно это и делает Стейнбек, – значит просто давать картину, не соответствующую действительности³.

Такая же судьба ждала постановку этой повести, осуществленную режиссером Оскаром Серлином и шедшую одновременно в нескольких бродвейских театрах. Премьера пьесы состоялась 8 апреля 1942 г., и первое время, несмотря на критику, спектакли шли в переполненных залах – что сильно удивляло самого автора⁴. Но уже 19 мая “New York Times” опубликовала сообщение о снятии пьесы после 55 спектаклей со сцены нью-йоркских театров по причине малых сборов. Режиссер обвинил в провале постановки обрушившихся на пьесу критиков⁵.

Препринты книги в СССР. В Советском Союзе книгу Стейнбека ждала еще более интересная судьба. Прежде чем советский читатель узнал о ее существовании, история издания и критические баталии в США вокруг повести/пьесы «Луна зашла» были проанализированы в Иностранной комиссии Союза советских писателей и в редакции журнала «Интернациональная литература». В своих отчетах советские референты выделяли основные тезисы американских статей, общее направление их полемики, а также от руки подчеркивали близкие, отвечавшие их собственному мнению о книге мысли⁶.

¹ Репрезентативная подборка материалов американской прессы находится в РГАЛИ: Ф. 631 Оп. 14. Ед. хр. 1070. Л. 103–109, 119–131; Ф. 631. Оп. 14. Ед. хр. 1075. Л. 33–36.

² РГАЛИ. Ф. 631 Оп. 14. Ед. хр. 1070. Л. 105.

³ Там же. Л. 129.

⁴ Об этом Стейнбек писал своему другу У.Ф. Стриту: «Странно, пьеса идет в переполненных залах невзирая на критику» (Steinbeck: A Life in Letters. P. 245).

⁵ РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 14. Ед. хр. 1075. Л. 61.

⁶ К примеру, в отчете Иностранной комиссии Союза советских писателей и редакции журнала «Интернациональная литература» от 19 июня 1942 г. «О новой книге Джона Стейнбека “Луна заходит”», написанной по материалу рецензии “New York Times Books Review” (8 марта 1942 г.), подчеркнуты многие фразы, в которых,

Первым упоминанием о книге «Луна зашла» стала статья И. Сергеевой «Новая книга Джона Стейнбека», вышедшая 21 декабря 1942 г. в «Правде». Советский журналист отметила, что «эта книга Стейнбека явилась первым художественным произведением крупного американского писателя на тему войны против гитлеризма»¹, и дала подробный пересказ этой книги. Сергеева отмечает, что Стейнбек не дает национального обозначения ни одной из сторон, но в оккупантах читатель без труда узнает гитлеровцев. Это позволяет критику сделать следующий обоснованный вывод:

Стейнбек с мастерством большого художника сумел передать мощь народного движения, напряженность и драматизм борьбы. Читателю становится ясно, что «никакая» страна – это всякая страна, оккупированная немцами. Это и Норвегия, и Дания, и Югославия, и Франция. Неизвестный маленький народ – это всякий свободолюбивый народ².

В этом же духе автор статьи перефразирует слова, которыми завершается роман:

Уходя на казнь, старик завещает своему другу доктору:
– Месть немцам!³

В близком к оригиналу переводе Н. Волжиной этот фрагмент, отсылающий к предсмертным словам Сократа, звучит так:

Ступив через порог, он повернулся к доктору Уинтеру:
– Критон, я должен петуха Асклепию, – мягко сказал он. – Ты не забудешь уплатить мой долг?
Уинтер на секунду закрыл глаза и потом ответил:
– Долг будет уплачен⁴.

по всей видимости, референт по США Н. Камионская находит близкие себе мысли, например: «У них нет времени, чтобы как-либо измениться. Они целиком раскрываются перед читателем. И все же, в этих пределах видишь все, что делают нацисты, стремясь покорить Европу, и как побежденная Европа борется с ними. Все это понимаешь безо всяких лишних уговоров и доказательств» (РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 14. Ед. хр. 1069. Л. 19).

¹ Сергеева И. Новая книга Джона Стейнбека // Правда. 1942. 21 декабря. С. 4.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Стейнбек Дж. Луна зашла // Стейнбек Дж. Неведомому Богу. Луна зашла. М.: Рекламно-компьютерное агентство газеты «Труд», 2000. С. 350.

Публикация книги в СССР. В конце 1942 г. повесть была переведена на русский язык и уже в 1943 г. после публикации в журналах «Огонек»¹ и «Знамя»² стала известна широкой публике. Кроме того, как сообщает газета «Литература и искусство»³ 22 января 1943 г.,

отрывки из нового романа американского писателя Джона Стейнбека «Луна зашла» передал по радио Литературный отдел Всесоюзного радиокомитета. Отрывки читали М. Царев и В. Аксенов⁴.

Критика книги в СССР. Автор предисловия к американскому изданию книги Дональд В. Коерс отмечает:

несмотря на фактически единодушное неприятие повести советскими критиками, «Луна зашла» стала самой известной американской книгой в СССР военного периода⁵.

На самом деле отношение советской литературной критики к книге Стейнбека было двойственным: с одной стороны, высказываются претензии, практически полностью совпадающие с мнением американских критиков – Фадимана, Буденса, Голда и др. Так, Е.Ф. Книпович в программной статье, вышедшей в журнале «Знамя» (1943), фактически повторяет слова американских коллег о несоответствии повести задачам пропаганды. Книпович полагает, что в повести враг изображен менее опасным, чем он есть на самом деле:

Его разложение, внутреннее банкротство достигается слишком легко. В действительности дело победы над фашизмом потребует еще много усилий и жертв ото всех свободолюбивых народов мира. <...> У фашистов есть не только овечий хвост, который трясется в дни поражений, у них есть пока и волчьи клыки, которые способны рвать и терзать в дни временных успехов⁶.

¹ *Стейнбек Дж.* Луна зашла // Огонек. 1943. №№ 2–11.

² *Стейнбек Дж.* Луна зашла // Знамя. 1943. № 5–6. С. 34–97.

³ Под таким названием в 1942–1944 гг. выходила «Литературная газета» после слияния ее с газетой «Советское искусство». В ноябре 1944 г. «Литературной газете» было возвращено ее прежнее название.

⁴ *Московская хроника // Литература и искусство.* 1943. 22 января. С. 4.

⁵ *Coers D.V.* Introduction to “The Moon Is Down.” // *Steinbeck J.* The Moon is Down. New York. Penguin, 1995. P. vii–xxviii.

⁶ *Книпович Е.* Новая книга Стейнбека // Знамя. 1943. № 5–6. С. 242.

В рецензии Т. Мотылевой «Непокоренный народ» также отмечается несоответствие данной Стейнбеком картины завоевателей реальному положению дел. К примеру, описывая эпизод свидания лейтенанта Тондера и вдовы расстрелянного шахтера Молли Морден, она пишет:

В жизни бывает иначе. Мы слишком хорошо знаем, что не со стихом и Гейне приходят фашистские скоты к женщинам оккупированных ими земель. Нет, для характеристики гитлеровского вояки можно и должно было найти иные слова, иные краски, – такие, которые абсолютно исключали бы снисхождение. Образы завоевателей, созданные Стейнбеком, при всем его психологическом мастерстве, при всей тонкости его иронии не внушают той лютой, жгучей ненависти, какой заслуживают фашистские рабовладельцы¹.

В конечном итоге, рецензент заключает:

Образ народа, в романе «Луна зашла» носит на себе отпечаток внеисторической абстракции. И это мешает художнику с полной отчетливостью и ясностью показать те сложные и нелегкие пути, какими ведется антифашистская борьба в оккупированных странах Европы².

С другой стороны, в статьях советских авторов военного периода присутствует стремление включить Стейнбека с его повестью в ряд дружественных СССР писателей-антифашистов. В той же статье Е.Ф. Книпович отмечает:

Стейнбек прав, утверждая своей книгой, что крах власти оккупантов неизбежен, что единственной неотвратимой судьбой гитлеровских преступников будет народная месть³.

Более того, хотя в черновом варианте статьи критик далее пишет: «Но книга его написана по нашим сегодняшним понятиям давно и вдали от центра военных событий»⁴, в журнальной версии эта фраза оказывается опущена. В этой и других советских рецензиях на книгу «Луна зашла» положительная оценка произведения американского автора («недостатки» которого заслуживают снисхождения) обусловлена чувством пре-

¹ Мотылева Т. Непокоренный народ: «Луна зашла» Джона Стейнбека // Литература и искусство. 1943. 4 сентября. С. 3.

² Там же.

³ Книпович Е. Новая книга Стейнбека. С. 4.

⁴ РГАЛИ. Ф. 618. Оп. 2. Ед. хр. 175. Л. 34.

восходства, характерным для советского критика – представителя передовой страны, ведущей ожесточенные бои с врагом, и потому претендовавшего на роль третейского судьи или даже наставника зарубежных авторов, нуждающихся в совете и руководстве.

Советские инсценировки книги военных лет. О значении, которое получила в СССР антивоенная повесть Стейнбека, свидетельствует и тот факт, что почти сразу после ее публикации в «Огоньке» начались попытки поставить это произведение на советской сцене. Всего в 1943–1948 гг. было не менее шести попыток инсценировать книгу Стейнбека, однако только три из них смогли пройти цензуру ГУРКа (Главного управления по контролю за зрелищами и репертуаром) и получить разрешение на постановку – это пьесы «Луна зашла» Л. Лемперта (1943), «Долг мэра Оурдэна» К. Розова (1944) и «Побежденные побеждают» А. Бородин (1944).

Главные вопросы, которые должны были решить для себя советские драматурги при переложении повести Стейнбека для сцены, – какова будет степень адаптации пьесы к советской действительности? Как приблизить пьесу «к центру военных событий», к войне, которую ведет советский народ? Как добиться того, чтобы пьеса не «деморализовала» зрителя (именно в этом упрекали Стейнбека и наши, и американские критики), но, напротив, способствовала боевому настрою советского зрителя, была ему близка и понятна, но и не внушала при этом ложного оптимизма?

Именно эти проблемы акцентируются в протоколах и отзывах сотрудников ГУРКа, решавших судьбу первой инсценировки книги «Луна зашла» Л. Лемперта. Всего этой пьесе довелось побывать в руках у трех рецензентов. Первый – заместитель начальника Главного управления по театрам (ГУТ) О.Н. Олидор¹ вынесла отрицательное решение в отношении пьесы, в результате чего автор инсценировки Л. Лемперт был вынужден обратиться к председателю Комитета по делам искусств М.Б. Храпченко² с просьбой «лично ознакомиться с пье-

¹ Олидор (Кайдалова) Ольга Николаевна (1913–1987) – театровед, профессор, автор книг по вопросам театра («В борьбе за сценический реализм» (1957), «Советское актерское искусство: 50–70 годы» (1982) и др.), в начале 1940-х гг. являлась заместителем начальника Главного управления театров Комитета по делам искусств при СНК СССР.

² Храпченко Михаил Борисович (1904–1986) – специалист по истории и теории литературы, в 1939–1948 гг. – председатель Комитета по делам искусств при Совете народных комиссаров СССР. Герой Социалистического Труда.

сой или же передать ее на рассмотрение еще одному авторитетному лицу». М. Храпченко отправляет пьесу в ГУРК, где она была рассмотрена еще двумя политредакторами: Р. Ольшевец и Б. Ростоцким¹.

Р. Ольшевец, отмечая в своем отзыве некоторые положительные черты пьесы (единство мэра Оурдена с народом и изображение народной борьбы с оккупантами), в целом оценивает ее резко отрицательно. Она подвергает критике как идейную сторону (в первую очередь трактовку образов завоевателей как «несчастливых и обманутых», которую она находит «неверной и неприемлемой»), так и ее драматургическое своеобразие: «Здесь нет ни крепкого сюжета, ни ярко очерченных характеров, а образы людей из народа просто расплывчаты»². Однако, как пишет редактор, без знакомства с оригинальным текстом она не может пропустить или запретить эту пьесу по следующим причинам:

1. Стейнбек – американский писатель-антифашист, друг Советского Союза. Это заставляет быть особенно внимательным к его произведениям.

2. Неизвестно, в какой степени усугублены недостатки романа инсценировкой его³.

Третий рецензент Б. Ростоцкий, ознакомившись с материалами дела, пишет подробный, обстоятельный отзыв с разбором обоих произведений – как оригинальной повести Дж. Стейнбека, так и пьесы Л. Лемперта. В первую очередь он объясняет драматургическое своеобразие, «рыхлость пьесы» особенностями оригинала – повести Стейнбека: так, отвечая своему предшественнику, он заявляет, что критик «должен адресовать свои претензии не Лемперту, а уж только непосредственно Стейнбеку»⁴. Во-вторых, он категорически не соглашается с той оценкой, которую дали предыдущие рецензенты изображению в повести/пьесе оккупантов:

...в индивидуальных портретах выведенных им офицеров-завоевателей Стейнбек, конечно, не раскрыл того специфического идейного и морально-го маразма, которым отмечены гитлеровцы. Но... образ фашистской армии

¹ Ростоцкий Болеслав Норберт Иосифович (1912–?) – историк театра и критик, доктор искусствоведения (1967), заведующий сектором искусства европейских социалистических стран Института истории искусств (с 1962 г.), профессор ГИТИСа (с 1967 г.). Основные работы посвящены истории советского и польского театра.

² РГАЛИ. Ф. 656. Оп. 5. Ед. хр. 4539. Л. 5.

³ Там же.

⁴ Там же. Л. 6.

Триумф «Гроздьев гнева» ... Дж. Стейнбека в СССР (1939–1945)

в целом дан в романе (и в инсценировке) в основном верно и точно. Оккупанты действуют в пьесе как беспощадные, жестокие, циничные проводники пресловутой политики «железа и крови». Они именно грабят, убивают и насилюют (Приведенная выше претензия тов. Ольшевец на сей счет совершенно непонятна. – Л.К.), а в промежутках скулят по поводу тех «беспокойств», которые им доставляют «завоеванные». Очевидно, этот скулеж и показался противникам пьесы способным вызвать сочувствие к завоевателям. Но такое восприятие чисто субъективно и делать за него ответственным автора не приходится¹.

Сам рецензент не закрывает глаза на некоторые спорные черты оригинала, например, он пишет, что «изображение врага, несомненно, страдает у Стейнбека излишним объективизмом, который, конечно, нежелателен на советской сцене»². Вместе с тем Ростоцкий считает, что недостатки, во-первых, не столь значимы по сравнению с художественным качеством произведения Стейнбека, а, во-вторых, преодолимы путем небольшой доработки, начало которой уже положено в пьесе Лемперта и может быть продолжено в самих театрах. В общей сложности, он дает высокую оценку работе Лемперта и выносит положительное решение, подписанное начальником ГУРКа Б. Мочалиным³: «Разрешить к работе при условии внесения указанных в протоколе изменений с купюрами»⁴.

Это расхождение во мнениях на счет книги Стейнбека двух советских рецензентов тем более показательное, что вполне отвечает духу имевшей место ранее полемики американских критиков: Р. Ольшевец является продолжательницей линии К. Фадимана, Дж. Тербера, М. Голда, а Б. Ростоцкий – линии П. Бак, Д. Томпсон, Л. Фейхтвангера и других защитников Стейнбека. Однако если в США дискуссия вокруг

¹ Там же.

² Там же. Л. 7.

³ В конце отзыва Б. Ростоцкого под подписью Б. Мочалина следует сделанная собственноручно запись: «В главном и существенном т. Ростоцкий прав». (Там же. Л. 7).

⁴ Среди указанных критиком изменений можно выделить замену в диалоге захватчиков слова «вождь» на слово «фюрер»:

ТОНДЕР: Мне снилось, что фюрер (исправлено Б. Ростоцким – Л.К.) сошел с ума... (Люфт и Хунтер смеются).

ЛОФТ: Враги, пожалуй, узнали, насколько фюрер сумасшедший! Мне нужно будет об этом написать домой. Газеты вероятно напечатают. Враг узнал, насколько фюрер – сумасшедший... (Там же. Л. 52).

книги Стейнбека разворачивалась на страницах крупных изданий и послужила сначала катализатором читательского и зрительского интереса, а после привела к «дискредитации» произведения, то в СССР дебаты шли «в закулирье», в недрах властных и литературных институций, а окончательное решение принимал один человек, занимавший верхний пост в иерархической лестнице – в данном случае Б. Мочалин, который, в сущности, санкционировал появление этой и последующих пьес по книге Стейнбека.

Вторая инсценировка – драма в четырех частях «Непокоренные» П. Мелибеева¹ появилась в ГУРКе в сентябре того же 1943 г. Б. Ростоцкий посвящает ей краткий отзыв, в котором пишет, что находит пьесу П. Мелибеева по своим идейным и художественным качествам значительно более слабой, чем пьеса Л. Лемперта, и потому считает ее включение в репертуар «нецелесообразным»². Тем не менее, Б. Мочалин дает разрешение к работе над пьесой П. Мелибеева «Непокоренные» Ставропольскому областному театру.

Следующая инсценировка К. Розова под названием «Долг господина Оурдэна» появилась в феврале 1944 года. Ее главным достоинством Б. Ростоцкий считает лаконичность: автор передает содержание оригинальной книги, не добавляя ничего лишнего. Кроме того, как отмечает рецензент, «этот лаконизм способствует тому, что пьеса может быть разрешена при условии внесения сравнительно небольшого числа купюр»³. Предложенная им правка напрямую затрагивала оригинальный сюжет и касалась устранения «излишнего объективизма Стейнбека» в изображении захватнической армии. Так, корректуре подверглось несколько эпизодов с участием наиболее сомнительного персонажа – «погруженного в самосозерцание» лейтенанта Тондера: оказались купированы самые эмоциональные строки, в которых содержались его сетования на жизнь, его сомнения в адекватности действий фюрера, его желание покончить с войной и вернуться домой, а также примечательный монолог, в котором Тондер сравнивал положение своей армии с «мухами, завоевавшими липкую бумагу»⁴. Также был вычеркнут

¹ Мелибеев Петр Петрович (1908–1985) – писатель, драматург, автор около двадцати прозаических и драматических произведений, ставившихся на сцене Ставропольского и других театров. В числе самых известных произведений – повести «Садовая, 16» (1962), «Только один спектакль» (1964), «Та далекая весна» (1969) и др.

² РГАЛИ. Ф. 656. Оп. 5. Ед. хр. 5319. Л. 1.

³ РГАЛИ. Ф. 656. Оп. 5. Ед. хр. 6822. Л. 1.

⁴ Там же. Л. 42.

детально прописанный К. Розовым эпизод ухаживания лейтенанта за Молли Морден, в котором он цитирует любовную лирику Гейне и проносит: «У нас осталось какое-то право на жизнь среди всех этих убийств»¹. Подобное «объективистское»² стейнбековское изображение немецкого офицера не только как оккупанта, но и как человека с его слабостями и страстями, желанием жить и любить, в СССР в 1944 г. было немыслимо и недопустимо и даже могло показаться кощунственным.

Все эти сценарии советских драматургов прямо следовали стейнбековскому оригиналу с минимальными изменениями, что положительно отмечалось цензорами ГУРКа. Зато появившаяся в ГУРКе в ноябре 1943 г. пьеса А. Ирошникова «Луна зашла» является ярким примером отступления от этого правила. Автор инсценировки не стал считаться со стейнбековской установкой на условность места и времени, прямо указав, что события пьесы происходят в Норвегии, а захватчиками являются немцы, фашисты. В соответствии с этим было изменено время действия (захват города происходит в апреле, а не осенью, как у Стейнбека) и введен целый ряд красноречивых деталей: в гостиной мэра появляется эстамп с бюстом Ибсена, в окне, сквозь дымку тумана, оказываются «видны далекие прибрежные скалы, омываемые синими водами фиарда»³, а в качестве лейтмотива на протяжении всего действия должна звучать мелодия Э. Грига из сюиты «Пер Гюнт».

Б. Ростокский отметил в своем отзыве, что «автор взял некоторые ситуации и образы из романа Стейнбека «Луна зашла» и по своему перекроил их, совершенно не считаясь с логикой их развития в первоисточнике»⁴. Так, например, в пьесе Ирошникова любви Молли Морден добивается не лейтенант Тондер, а местный предатель Корелл, которого драматург в списке действующих лиц называет «квислингов-

¹ Там же. Л. 47.

² Десять лет спустя в октябре 1953 г. в статье «Мои короткие романы» (“My Short Novels”) Стейнбек ответил критикам своей книги «Луна зашла» (в первую очередь К. Фадиману и Дж. Терберу): «Война приближалась, и я написал “Луна зашла” для прославления прочности демократии. Я не мог представить, что эта книга будет осуждена. Я написал о немце как о человеке, не как о сверхчеловеке, и это было принято за снисходительность по отношению к нему. Я не мог взять в толк все это, и теперь это представляется абсурдом, когда мы знаем, что немцы – люди и, как все люди, могут ошибаться и терпеть поражения». (Цит. по: *Coers D.V. John Steinbeck as Propagandist: “The Moon Is Down” Goes to War. Tuscaloosa, AL: University of Alabama Press, 1991. P. 22).*

³ РГАЛИ. Ф. 656. Оп. 5. Ед. хр. 3287. Л. 2.

⁴ Там же. Л. 1.

цем». Кроме того, в пьесе отсутствуют основные женские персонажи пьесы – Мадам, Анни и большинство офицеров вражеской армии (майор Хантер, лейтенанты Тондер, Пракл и другие). Вместо жены мэра в постановке фигурирует его приемная дочь – Хэдда (отсутствовавшая в оригинале), а выразителем сомнений и отчаяния в рядах оккупационной армии вместо исчезнувшего Тондера стал капитан Лофт, самый хладнокровный и педантичный персонаж Стейнбека. Как отмечает Б. Ростоцкий, «тов. Ирошников попытался передать содержание романа Стейнбека в поистине телеграфном стиле, уместив его всего на 20 страницах. Попытка эта, конечно, не увенчалась успехом»¹.

Другой драматург, А. Бородин, в 1944 г. представил ГУРКу сразу две пьесы по мотивам повести «Луна зашла». Первая под названием «Мухи завоевывают липкую бумагу» (апрель 1944 г.), представляла собой драматический этюд – инсценировку одной из глав повести и предварялась обширным предисловием, содержащим пересказ и оценку книги Стейнбека. В конце предисловия А. Бородин так суммировал основную смысл и ценность произведения:

Растерянность, стихийная ненависть и, наконец, организованное сопротивление – вот те три этапа, по которым проходит в повести Стейнбека пробуждающееся сознание завоеванного маленького народа. Глубокая вера автора в неисчерпаемую силу народного духа – яркая черта повести, которая сближает ее с «Гроздьями гнева»².

Сам драматург выбрал для инсценировки всего один эпизод книги – свидание лейтенанта Тондера с Молли Морден, по всей видимости, считая его стержневым для понимания всего произведения, поскольку в нем местная девушка проходит один за другим все три обозначенных автором этапа: растерянность при встрече с молодым лейтенантом оккупационной армии, постепенное пробуждение и рост ненависти к врагу, причастному к расстрелу ее мужа, и, наконец, убийство Тондера.

Тем не менее, рецензент Б. Ростоцкий назвал выбор фрагмента крайне неудачным, не передающим всего масштаба произведения Стейнбека. Ростоцкий отметил, в частности, что при чтении данной инсценировки не знакомому с оригиналом человеку останется «неясным даже тот важнейший драматический момент, что Тондер является

¹ Там же.

² РГАЛИ. Ф. 656. Оп. 5. Ед. хр. 880. Л. 3.

непосредственным убийцей мужа Молли». Заключение цензора было отрицательным: «Совершенно нецелесообразно вводить в действующий репертуар эту малоудачную инсценировку»¹.

Однако еще до написания этюда «Мухи завоевывают липкую бумагу» в январе 1944 г. А. Бородин направил на суд ГУРКа другую инсценировку книги Стейнбека – драму в четырех частях «Побежденные побеждают». Об этой работе Ростоцкий отзывался положительно, отмечая, что драматург

сохраняет своеобразие повествовательной манеры американского автора и вместе с тем удачно усиливает некоторые важные мотивы (прежде всего, мотив активного сопротивления захватчикам), тактично и умело вводя некоторые дополнительные детали (например, короткая, но выразительная сцена в забое угольной шахты – 2-я картина)².

Если в оригинальном произведении Стейнбека основополагающую идею «народной власти» воплощал мэр Орден, который был не столько правителем города, сколько «рупором народа» («Мэр – это идея, родившаяся в мозгу свободных людей»³), то в пьесе Бородина вместо «рупора» на сцену выступает сам народ – простые шахтеры, держащие в руках мотыгу и испачканные землей: Ларре, дедушка Ольсен, Джек Андерс и Алекс Морден. Несмотря на то, что они появляются всего в нескольких сценах, их образы тщательно прописаны, наделены выразительными речевыми характеристиками и весьма типичны для советских пьес. У Бородина именно на них завязаны все ключевые эпизоды инсценировки: они разрабатывают идею активного сопротивления захватчикам, они вдохновляют мэра на героическую смерть и дают обещание отомстить за него и, наконец, именно они, собирая сброшенный самолетами союзников динамит, обсуждают победы Красной армии над общим врагом:

ДЕДУШКА ОЛЬСЕН. Так ты говоришь, русские продолжают наступать?

ЛАРРЕ. Да и как наступать! Они не наступают – они гонят.

ДЕДУШКА ОЛЬСЕН /усмехнувшись/. Это непобедимые увязнут в русских просторах. Их конец начинается. /Пауза/.

¹ Там же. Л. 1.

² РГАЛИ. Ф. 656. Оп. 5. Ед. хр. 883. Л. 2.

³ *Стейнбек Дж.* Луна зашла. С. 349.

ЛАРРЕ. Знаете, дедушка Ольсен, – иной раз, когда я вот так ночью прислушиваюсь к тишине, мне кажется – мое ухо способно за тысячи километров уловить звуки русских пушек. Это так близко к сердцу.

ДЕДУШКА ОЛЬСЕН. Мне очень понятно, то что ты говоришь, Ларре. Это великая страна, там, на востоке... Она очень далеко от нас и все же она где то вот здесь, возле нас. И там – в Европе, в Америке... всюду. /Помолчав/. Нам многому нужно у них поучиться¹.

Бородин в своей пьесе не изменяет сколько-нибудь существенно ни одного эпизода, и не умаляет основной идеи и пафоса произведения Стейнбека, но путем внедрения персонажей «из народа» делает эту идею привычнее и понятнее советским людям.

В целом, говоря об инсценировках военного периода и особенно о тех, что получили разрешение ГУРКа на постановку в столичных театрах, нужно отметить их близость оригиналу, что свидетельствует об уважении к стейнбековскому замыслу и общности представлений о том, каким должно быть пропагандистское произведение военного времени. Добавления авторов и купюры редакторов ГУРКа касались деталей и ни в коей мере не затрагивали главного в повести – призыва к борьбе против нацизма, против его захватнической политики.

Инсценировка И.Л. Прута (1948). В качестве дополнения необходимо остановиться на анализе еще одной пьесы по книге Стейнбека, хотя ее рассмотрение выходит за хронологические рамки данной статьи. Одна из особенностей пропагандистских сочинений заключается в том, что они быстро теряют свою популярность после изменения политической ситуации, которая и обусловила их появление. Такая судьба постигла многие советские и западные антифашистские произведения – после мая 1945 г. они оказались забыты.

Однако сочинение Стейнбека ждала иная и весьма необычная судьба. В 1948 г. в СССР появляется еще одна инсценировка по книге американского автора – «Господин мэр» И.Л. Прута. В архивах не сохранилось никаких документов, отзывов и даже свидетельств о ее прочтении сотрудниками ГУРКа, тем не менее, само содержание пьесы настолько примечательно, что требует отдельного рассмотрения.

За три года, прошедшие после окончания Второй мировой войны, политическая ситуация в мире радикально изменилась. Недавние союзники стали непримиримыми врагами: началась новая, холодная война.

¹ Бородин А. Победенные побеждают. Л. 89.

В СССР с 1947 г. набирает обороты массированная кампания антиамериканской пропаганды, к которой активно привлекаются и литературные институции¹. В этих условиях пишется новая, послевоенная инсценировка повести Стейнбека.

В пьесе И. Прута речь идет вовсе не о Второй мировой войне. Время действия здесь – «ближайшее будущее», место действия – некая европейская «нейтральная страна». Действие начинается в «доме Оурдэна, мэра небольшого прибрежного шахтерского городка»². Пьеса построена на эффекте узнавания и осознания жителями города причин оккупации. Напряженность возникает с самых первых строк: оказывается, город захвачен, причем захватчиками оказываются войска некой дружественной союзнической державы. Это загадочное событие обсуждают Сарра (жена Оурдэна) и Роза (доктор Винтер), пытаются понять, что за «иностранные войска» внезапно вошли в их город и сравнивая это вторжение с пережитой во время войны нацистской оккупацией.

Только появление на сцене самих захватчиков – офицеров американской армии приносит с собой разгадку. Полковник Лансер сообщает, что они прибыли в этот город по приглашению правительства страны и их цель – не милитаристская, а экономическая – вывоз угля в Западную Германию, и жители города обязаны этому содействовать. Также выясняется, что вопреки давлению правительства, мэр Оурдэн предпочел честное и выгодное для горожан сотрудничество с русскими, а не с американцами, и вот тогда-то в город в «усмирительных целях» и были брошены американские войска.

Майор Хантер «популярно» объясняет впадшему в отчаяние Тондери истинную цель вторжения:

Послушайте, лейтенант: нашими деньгами пользуются многие правительства; ряд стран зависит от нас; почти без крови – дешевыми товарами, отбросами с нашего стола, подкупом, угрозой – мы завоевали почти полмира! Должны же мы теперь навести порядок³.

¹ См. напр.: Проект мероприятий по усилению антиамериканской пропаганды по Союзу советских писателей». 1.04.1949 // Сталин и космополитизм. Документы Агитпропа ЦК КПСС. 1945–1953 / Отв. ред. Д.Г. Наджафов, сост. Д.Г. Наджафов, З.С. Белоусова. – М.: МФД; Материк, 2005. С. 346–348.

² РГАЛИ. Ф. 656. Оп. 5. Ед. хр. 6565. Л. 1.

³ Там же. Л. 45.

Однако жители города отказываются смириться со своим подневольным положением и оказывают сопротивление захватчикам. И в этом им помогает некая «третья сила», отсутствующая не только у Стейнбека в оригинале, но и в других советских инсценировках: группа «красных» под предводительством Нильсена, сумевшего в ходе оккупации выскользнуть из лап захватчиков и покинуть город. Нильсен и его сторонники – внесценические персонажи, о которых, тем не менее, постоянно упоминается, как о некоей невидимой, всемогущей и постоянно сопутствующей героям силе: многие шахтеры бегут в горы, образуя группы сопротивления, а Джозеф, дворецкий мэра, становится командиром отряда у Нильсена. Именно «красные» выступают против агрессоров и консолидируют вокруг себя весь народ – от шахтеров и кухарки Анни до доктора Уинтера и мэра Оурдена.

Так, парадоксальным образом, созданное в 1942 г. в поддержку «народов девятнадцати оккупированных стран Европы» произведение американского автора Джона Стейнбека, писавшего в своей телеграмме Ф. Рузвельту о героизме Красной армии, которая «свыше года выносила и все еще выносит основной удар нацистской военной машины»¹, теперь послужило материалом для антиамериканской пьесы И. Прута, направленной против бывших союзников и ее автора в том числе.

Книга Стейнбека, в которой принципиально отсутствовали конкретные указания на национальную принадлежность оккупантов и их жертв, отличалась от других пропагандистских произведений как американской, так и советской литературы тем, что ее автор, избегая вопроса «кто виноват?», сосредоточился на вопросе «почему так произошло?», ответ на который ищут все персонажи – от мэра Оурдена до полковника Лансера и лейтенанта Тондера. И именно в силу этой особенности произведение Стейнбека «Луна зашла» после разгрома нацизма парадоксальным образом смогло стать оружием антиамериканской пропаганды по ту сторону «железного занавеса», в стране, кардинальным образом пересмотревшей свое отношение к писателю после 1945 года.

¹ РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 14. Ед. хр. 1070. Л. 1.

Литература

Иванько С.С. Джон Стейнбек // Стейнбек Дж. Собр. соч.: В 6 т. Т. 1. М.: Правда, 1989. С. 3–50. (Библиотека «Огонек»).

Краткая литературная энциклопедия: В 9 т. М.: Сов. энцикл., 1962–1972.

Сталин и космополитизм. Документы Агитпропа ЦК КПСС. 1945–1953 / Отв. ред., сост. Д.Г. Наджафов, сост. З.С. Белоусова. М.: МФД; Материк, 2005.

References

Benson J.J. *The True Adventures of John Steinbeck, Writer: A Biography*. New York: Viking, 1984.

Coers D.V. “Introduction to *The Moon is Down*.” Steinbeck J. *The Moon is Down*. New York: Penguin, 1995: vii–xxviii.

Coers D.V. *John Steinbeck as Propagandist: “The Moon Is Down” Goes to War*. Tuscaloosa, AL: University of Alabama Press, 1991.

Ivan’ko S.S. “John Steinbeck.” Steinbeck J. *Sobranie sochinenij*: v 6 t. [Collected Works: in 6 vols.] Vol. 1. Moscow: Pravda Publ., 1989: 3–50. (“Biblioteka Ogonek”). (In Russ.)

Kratkaja literaturnaja jenciklopedija: v 9 t. [Brief Literary Encyclopedia: in 9 vols.]. Moscow: Soviet Enciklopedia Publ., 19672 – 1978. (In Russ.)

Stalin i kosmopolitizm. Dokumenty Agitpropa CK KPSS. 1945–1953 [Stalin and Cosmopolitanism. Agitprop Documents of the Central Committee of the CPSU, 1945–1953], eds D.G. Nadzhafov, Z.S. Belousova. Moscow: MFD Publ.; Materik Publ., 2005. (In Russ.)

Steinbeck: A Life in Letters, eds E. Steinbeck, R. Wallsten. New York: Viking, 1975.

Steinbeck J. *Working Days: The Journals of “The Grapes of Wrath”*, ed. R. DeMott. New York. Viking, 1989.